

УДК 930.26

САРМАТСКОЕ ЗАВОЕВАНИЕ СЕВЕРНОГО ПРИЧЕРНОМОРЬЯ (СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ ПРОБЛЕМЫ)

© 2017 С.В. Полин

Рассматриваются проблемы упадка Великой Скифии и сарматского завоевания Северного Причерноморья. По археологическим данным сделан вывод об отсутствии связи между этими событиями, поскольку они разделены во времени более чем столетним промежутком. Эта идея, высказанная четверть века тому, за прошедшие годы только усилилась новыми аргументами.

Ключевые слова: скифы, Великая Скифия, сарматы, прохоровская культура, курган, погребение, амфора, амфорные клейма, городище, поселение, укрепления.

Четверть века тому назад по состоянию археологических источников на тот период я предложил следующую интерпретацию заключительного этапа истории Великой Скифии Северного Причерноморья, а также времени и характера появления сарматов в причерноморском регионе.

Причерноморская Скифия в пределах от Дона до Дуная в конце первой четверти – первой трети III в. до н.э. завершила свое существование, о чем свидетельствует прекращение строительства курганов и жизни на поселениях, возникших в предшествующий период. Степные просторы опустели и крайне немногочисленные остатки населения сконцентрировались на позднескифских поселениях вокруг долины Нижнего Днестра, в предгорном Крыму и на нижнем Дунае, в Добрудже, где на протяжении последующих нескольких столетий существовали скифские очаги обитания, известные в истории под названием Малых Скифий. Наряду со многими другими факторами, в качестве основной причины упадка Причерноморской Скифии я предполагал природно-климатические изменения, в результате которых степные просторы стали непригодными для продуктивной жизни, и скифское население, предельно сократившись численно, сосредоточилось у речных долин, где перешло к полной оседлости и земледелию, как основному источнику существования.

Те же процессы происходили и в украинской лесостепи, но с тем лишь отличием, что здесь в начале III в. до н.э. вообще наступило полное запустение, и жизнь возобновилась не ранее конца III или даже во II в. до н.э. в виде крайне маломощных культур зарубинецкой и Поенешти-Лукашевка в лесостепных районах Поднепровья и Поднестровья. Сарматы, с нашествием которых в Северное Причерно-

морье традиционно связывался разгром и завоевание Причерноморской Скифии, появились в Днепро-Донском междуречье не ранее середины II в., и лишь в конце II–I вв. до н.э. в достаточно ощутимых количествах, где заняли пустые степные территории, не затрагивая позднескифские очаги обитания. Дальнейшее продвижение сарматов на запад осуществлялось крайне медленно и лишь к рубежу эр сарматы вышли на Дунай. Таким образом, между прекращением существования Скифии и появлением сарматов в Северном Причерноморье фиксируется временной разрыв протяженностью около столетия. Известная по ольвийскому декрету в честь Протогена угроза нашествия кельтов с запада, согласно тому же декрету, не осуществилась, поскольку кельты прошли стороной и, как известно, ушли на Балканы и в Малую Азию, и поэтому совершенно «неповинны» в прекращении существования западной окраины Скифии. Таким образом, все факты указывали на то, что финал Причерноморской Скифии и появление сарматов в Причерноморском регионе были событиями разновременными и абсолютно несвязанными между собой (Полин, 1984; Полин, 1986; 1989; 1992; Полин, Симоненко, 1990; 1997; 2004).

Что же изменилось с тех пор?

За прошедшую четверть века в Северном Причерноморье и Приазовье не появилось ни одного сарматского комплекса III–II вв. до н.э. ни в старых материалах, ни в новых раскопках, которые могли бы засвидетельствовать хотя бы эпизодическое, в виде следов кратковременных набегов, присутствие сарматов на территории к западу от Дона. В междуречье Дона и Днестра имеется 62 сарматских комплекса и случайных находок не ранее II–I вв. до н.э. и еще 6 – конца II–I вв. до н.э. между Днестром и Прутом (Симоненко, 2000, с.158).

В Нижнем Подонье, на восточной окраине Скифии, за прошедшие десятилетия была значительно уточнена хронология памятников скифского периода, а также проанализированы разнообразные кочевнические комплексы IV–II вв. до н.э. этой территории. Строительство и разрушение укреплений Елизаветовского городища в середине – третьей четверти IV в. до н.э. сейчас рассматривается как следствие внутрорегиональных процессов. Установлено, что в конце или даже перед концом IV в. до н.э. население покинуло Елизаветовское городище, и все поселения Донской дельты, как считается, вследствие междоусобной войны Сатира и Евмела на Боспоре (Марченко и др., 1999, с. 77–78; Копылов, 2002, с. 232). Предполагается, что кочевое скифское население оставалось в этом регионе и после ухода населения городища и поселений дельты, поскольку диапазон датировок скифских курганов левобережья и правобережья Дона захватывает и начало III в. до н.э. (Глебов, 2002, с. 189, 190; 2007, с. 62, 63; Коваленко, 2006, с. 55). Однако датировки этой группы нижнедонских курганов подвергаются дальнейшей коррекции. Так, предложенная мной в свое время датировка Новочеркасского погребения концом IV – началом III в. до н.э. по херсонесской амфоре (Полин, 1992, с. 68) после уточнения датировки Александропольского кургана в пределах третьей четверти IV в. до н.э., где в околочурганной тризне найдены такие же амфоры (Полин, Дараган, 2010, с. 193, 194, 208), требует соответствующего удревнения и для Новочеркасского погребения, что и предлагает А.В. Дедюлькин (2015, с. 72). То же касается и кургана № 1 у Ново-Александровки. Предложенная для него датировка по херсонесским клеймам первой группы концом IV – началом III в. до н.э. (Лукьяшко, 2000, с. 167, 168) после находки таких клейм в тризне Александропольского кургана в контексте третьей четверти IV в. до н.э. (Полин, 2010, с. 278, 279, 286–288) требует соответствующего удревнения до третьей четверти IV в. до н.э., как и кургана № 12 в группе Высочино-V, (Полин, 2014, с. 516, 517, 520, 521). Поэтому вывод о существовании на Нижнем Дону кочевого скифского населения и после ухода жителей Елизаветовского городища и поселений его округа вплоть до начала III в. до н.э., вероятно, придется согласовывать с датировкой по Елизаветовскому городищу и удревнять также до последних годов IV в. до н.э.

В результате появления новых данных для Нижнего Подонья сделан ряд обоснованных и весьма существенных выводов по появлению здесь сарматов:

- нижнедонской регион в IV – начале III в. до н.э. не был сарматским, и его населяли различные группы кочевников и западного, и восточного происхождения;

- военная активность сарматов на Нижнем Дону и в Северном Причерноморье в IV–III вв. до н.э., вопреки сложившемуся мнению, не находит достоверных подтверждений;

- приблизительно в конце первой трети III в. до н.э. происходит, если не полное исчезновение, то резкое сокращение кочевого населения Нижнего Дона и, соответственно, на протяжении большей части III в. до н.э. в Нижнем Подонье не было сколько-нибудь значительного постоянного кочевого населения;

- на археологическом материале подтверждается вывод, сделанный еще в 90-х гг. XX в. С.В. Полиным и Н.Е. Берлизовым об отсутствии датированных раннесарматских памятников развитого III в. до н.э. к западу от Поволжья;

- вплоть до конца III в. до н.э. не существовало сколько-нибудь серьезной сарматской угрозы с востока, поскольку возникший в начале III в. до н.э. Танаис обзаводится оборонительными стенами не ранее рубежа III–II или даже в начале II в. до н.э.;

- наиболее ранняя группа раннесарматских памятников в Нижнем Подонье относится к началу II–I вв. до н.э. (Глебов, 2002, с. 188–194; 2003, с. 80–86; 2004, с. 127, 128; 2007, с. 63–66; 2009; 2012, с. 28–32; Полин, 1992, с. 67–71; Берлизов, 1996, с. 31).

Сходная ситуация фиксируется и в Прикубанье. Концепция военно-политического преобладания в кубанских степях сарматов (сираков) уже в IV в. до н.э. и последующего непрерывного развития сарматской культуры в кубанском регионе (Марченко, 1996), согласно последним исследованиям, интерпретируется несколько иначе. По данным Н.Ф. Шевченко, кочевнические комплексы восточного происхождения IV – начала III в. до н.э. в Прикубанье весьма малочисленны и являются лишь частью разнородной массы кочевнических памятников, как и на Дону. Они не играли сколько-нибудь значимой роли в жизни региона при их абсолютной несопоставимости по численности с массой меотского населения, и притом что в этом регионе абсолютно доминировало Боспорское царство, по

крайней мере, до начала III в. до н.э. активно расширявшее свои пределы на восток. В III в. до н.э. в кубанском регионе также фиксируется сокращение численности кочевнических памятников. Массовое продвижение и переселение сарматов в этот регион, надежно фиксируемое археологически, происходит не ранее II в. до н.э. (Шевченко, 2011, с. 47–55).

В конце 1990-х гг. В.Ю. Зуев решительно пересмотрел хронологию и периодизацию раннесарматской культуры и пришел к выводу об отсутствии памятников III – первой половины II в. до н.э. в Волго-Уральском регионе (Зуев, 1998, с. 45–50; 1999, с. 306; 2000, с. 306–308, 327; 2000-А, с. 85–101), чему решительно воспротивились сарматологи. В.М. Клепиков и А.С. Скрипкин выделили в Поволжье горизонт сарматских комплексов, не содержащих импортов-хроноиндикаторов, но занимающих, по их мнению, промежуточное положение в хронологической шкале между хорошо датированными памятниками IV и II–I вв. до н.э. Таким образом, было выделено 38 комплексов III в. до н.э. Такой странный способ датирования, когда памятники уже не такие, как раньше, но еще не совсем такие, как позже, а посему должны располагаться между, получил название «метода зажатых датировок» (Клепиков, 2000, с. 117; 2002, с. 96–124; Клепиков, Скрипкин, 2002, с. 66–68; Скрипкин, Клепиков, 2004, с. 97, 98). Следует сразу отметить, что логика, являющаяся единственным основанием упомянутого метода (Клепиков, 2000, с. 117), в хронологии не работает и поэтому вряд ли предлагаемый способ может решить проблему, что и было отмечено коллегами (Зуев, 1999, с. 322, 323; 2004, с. 217, 218; Симоненко, 2003, с. 301, 302; Демиденко, 2007, с. 48–54; 2010, с. 365–368).

На мой взгляд, проблема выделения раннесарматских памятников III в. до н.э. так и остается нерешенной, хотя существование памятников этого времени сомнения не вызывает. Вероятно, в очень небольшом количестве, поскольку III в. до н.э. был временем глубокого упадка не только для Северного Причерноморья, но и для всего степного и лесостепного пояса Евразии. Пока же реальных сдвигов в этом направлении не чувствуется. С.Ю. Гуцалов в монографии по кочевникам Южного Приуралья VII–I вв. до н.э. выделил группы памятников конца V–IV и III–I вв. до н.э. Из хронологического анализа немногих категорий вещей очевидно, что памятники III в. должны существовать, но для решительного отделения их от более

ранних памятников IV и более поздних II в. до н.э. надежные хроноиндикаторы отсутствуют и, соответственно, критериев для их выделения нет. Поэтому автор коррелировал комплексы со стрелами с таковыми же, где присутствуют и мечи, а в случае отсутствия последних оперировал процентными соотношениями типов стрел в колчане (Гуцалов, 2004, с. 72–78). Такое процентование может быть рабочим решением для определения принадлежности к хронологической группе, как говорится, за неимением лучшего способа, но все равно без надежных хроноиндикаторов-импортов проблема выделения памятников III в. до н.э. представляется неразрешимой. Автор совершенно справедливо обратил внимание на сложности соотнесения приуральских комплексов с северопрichernоморскими, поскольку существует немало уральских комплексов, в которых сочетаются в равной мере бронзовые втульчатые и железные черешковые наконечники – с позиций Северного Причерноморья сочетание абсолютно немислимое.

В публикации могильника VI–II вв. до н.э. у Лебедевки та же проблема решается несколько иначе. Здесь выделены хронологические группы конца VI–V в. (савроматская), конца V–IV в. (раннепрохоровская) и конца IV–II вв. до н.э. (классическая раннесарматская). Распределение комплексов между последними двумя группами решается просто. Все комплексы с мечами переходных типов, в том числе и с серповидным навершием и дуговидным перекрестьем, большими колчанными наборами из бронзовых и единичных железных черешковых наконечников стрел, каменными алтариками поздних форм, бляхами и пряжками с зооморфным рельефом и др., отнесены к концу V–IV в. до н.э. Комплексы с мечами с серповидным навершием и прямым перекрестьем, с единичными мечами с кольцевым навершием, колчанными наборами из железных черешковых наконечников с единичными бронзовыми втульчатыми и др. отнесены к IV–II вв. до н.э. С помощью метода, который здесь именуется «косвенным датированием», предлагается выделение комплексов III в. до н.э. по маленьким колчанным наборам (8–22 наконечника), в которых сочетаются и бронзовые втульчатые, и железные черешковые наконечники с преобладанием последних и единичности первых. Такие комплексы в равной степени могут относиться и к IV, и к III в. до н.э., но по находкам в Лебедевских курганах таких колчанов в сочетании с мечами

с серповидным навершием и прямым перекрестьем (Лебедевка-V, к. 27, п. 1; Лебедевка-VII, к. 16, п. 4), предлагается их датировка III – началом II в. до н.э. (Железчиков и др., 2006, с. 37–39). Замечу, что такие комплексы с равным успехом можно датировать и IV в., поскольку появление мечей с серповидным навершием в это время надежно зафиксировано в п. 3 Линевского кургана (Скрипкин и др., 2002, с. 109), и II–I вв. до н.э., к которым относится множество мечей с серповидным навершием и прямым перекрестьем.

В то же время по утверждению Н.Е. Берлизова в Заволжье и Приуралье имеется до 30 комплексов, узко датированных III в. до н.э. (Берлизов, 2003, с. 93–105; 2011, с. 60). Однако по литературе незаметно, чтобы кто-нибудь из сарматологов привлекал их для хронологических построений. Н.Е. Берлизов выделил сарматские комплексы III в. до н.э. преимущественно на основании датировок бус по сводам Е.М. Алексеевой (1975; 1978; 1982). Титаническая работа Е.М. Алексеевой основана лишь на находках в некрополях и культурных слоях греческих городов Северного Причерноморья. В ней не учтены находки из варварских памятников юга Восточной Европы. К сожалению, предложенные Е.М. Алексеевой даты основаны на датировках 1960-х – начала 1970-х гг., которые зачастую определялись очень приблизительно, по дате слоя, и нередко очень широко, в пределах двух столетий. Многие типы не имеют даты. Собственно, и в скифоведении в то время широко использовались датировки IV–III вв. или IV–II вв. до н.э., которые, как выясняется в наше время, практически все ограничены IV в., началом IV в., а то и концом V – началом IV в. до н.э., и лишь некоторые – концом IV – началом III в. до н.э.

Свод Е.М. Алексеевой охватывает далеко не весь ассортимент бус, встречаемый в скифских курганах Северного Причерноморья и нередко ее датировки разительно не соответствуют определяемым по скифским курганам (Бидзиля, Полин, 2012, с. 380–386, 465–471), на что давно обратил внимание А.С. Островерхов. По его наблюдениям, для многих типов бус из свода Е.М. Алексеевой, не имеющих датировки, такие даты дают находки в курганах Скифии V–IV вв. до н.э., они также позволяют существенно расширить хронологический диапазон для целого ряда типов бус. Так, например, по данным Е.М. Алексеевой фаянсовые бусы и подвески известны в VI в. до н.э., а затем после длительного перерыва

вновь появляются в III в. до н.э. и существуют позднее; в то время как в скифских курганах V–IV в. до н.э. такие бусы встречаются нередко, и в действительности они существовали непрерывно с VI в. до н.э. вплоть до первых веков новой эры. Целый ряд подобных примеров автор приводит и для стеклянных бус, и подвесок (Островерхов, 1985, с. 93, 97–107).

Большей частью датировки бус Е.М. Алексеевой носят ориентировочный характер и на их основании просто нельзя утверждать, что данный комплекс датируется не ранее III в. до н.э., или именно III в. до н.э., или не позднее этого времени. Отчасти для выделения комплексов III в. до н.э. Н.Е. Берлизов также использовал импортную керамику среднеазиатского производства, которая имеет очень широкие датировки в пределах IV–II вв. до н.э. Поэтому «зажимание» датировок комплексов с помощью дат бус и среднеазиатской керамики не даст желаемого результата, поскольку ни те, ни другие не имеют необходимой точности¹.

В 2003–2005 гг. был доисследован эпонимный могильник прохоровской (раннесарматской) культуры у с. Прохоровка в Оренбургской области. Кроме того, что могильник в свое время дал название раннесарматской культуре и по составу вещей из него был охарактеризован ее материальный комплекс, значительный интерес представляет его хронология. В свое время М.И. Ростовцев столкнулся с трудностями в датировании курганов у Прохоровки. Серебряные блюда из кургана № 1 он определил как ахеменидские и, руководствуясь датировкой надписи на них, датировал IV–III вв. до н.э. С другой стороны, принималась во внимание датировка памятников Каневской и поздней Полтавской групп памятников Приднепровской лесостепи, которые он считал родственными прохоровским и в целом выделенной им группе «переход-

¹ По мнению Н.Е. Берлизова я считаю, что позднепрохоровский комплекс II–I вв. до н.э. генетически не связан с раннепрохоровским IV в. до н.э. (Берлизов, 2003, с. 94). Подтвердить этого не могу, поскольку меня всегда интересовали исключительно вопросы хронологии прохоровской культуры с единственным выходом на историческую интерпретацию в том плане, что памятники прохоровской культуры III в. до н.э. практически неуловимы археологически, при этом в принципе я не отрицал их существования в этот период. Я также утверждал, что памятники прохоровской культуры III в. до н.э. не могут быть многочисленными и что к III–II вв. до н.э. не может быть отнесен расцвет этой культуры, который в действительности происходил позднее, во II–I вв. до н.э.

ного периода» на юге России III–II или даже II–I вв. до н.э. (Ростовцев, 1918, с. 79; 1925, с. 611, 612). Б.Н. Граков датировал курганы у Прохоровки III–II вв. до н.э. (Граков, 1928, с. 152–154). Позднее М.Г. Мошкова по серебряным блюдам датировала Прохоровский могильник рубежом IV–III, началом III в. до н.э., ограничив в целом существование прохоровской культуры концом IV–II вв. до н.э. (Мошкова, 1963, с. 8; 1974, с.11). В связи с наметившимися в 1980-х гг. общими тенденциями в хронологии материальной культуры скифов Северного Причерноморья к ее некоторому удревнению, такому же удревнению должна была подвергнуться и хронология культуры сарматов Нижнего Поволжья и Южного Приуралья, установленная П. Рау на основе существовавших в его время весьма поздних датировок скифских памятников (Raу, 1929).

Руководствуясь этими соображениями, я рассмотрел комплексы Прохоровского могильника и отнес их к двум отдельным могильникам. Первый – курганы № 3 и № 4, и по обряду, и по составу вещей являющиеся савроматскими, я датировал V–IV вв. до н.э. и отнес к савроматскому периоду, что лишало прохоровскую культуру архаического налета в виде каменных блюд, изделий звериного стиля, бронзовых наконечников стрел и ряда черт погребального обряда. Во втором могильнике курган № 2 я датировал не позднее IV в. до н.э. Определить датировку кургана № 1 я затруднился, поскольку круг аналогий найденным здесь вещам охватывал очень широкий период от IV в. до н.э. до I в. н.э. Рассматривая далее основы хронологии прохоровской культуры, я пришел к выводу о более широких рамках прохоровской культуры, начиная с IV, а возможно и с V в. до н.э., и ее доживании до I в. до н.э. включительно. О последнем писали ранее Б.Н. Граков (1928, с. 152–154) и К.Ф. Смирнов (1959, с. 318) и уверенно продемонстрировал А.С. Скрипкин на основе надежно датированных комплексов (Скрипкин, 1987, с. 231; 1990, с. 170; 2000, с. 146; Клепиков и др., 2008, с. 57). И.В. Сергацков предположил даже I в. н.э. в качестве конечной даты (Сергацков, 2000, с. 152). Я также настаивал на не меньшей, если не большей, проблематичности выделения прохоровских памятников III–II вв. до н.э., как и скифских, и на невозможности отнесения к этому периоду основной массы известных прохоровских памятников. Также нельзя предполагать и расцвет прохоровской культуры в этот

период в результате демографического взрыва. По-видимому, памятники прохоровской культуры этого периода были весьма немногочисленны (Полин, 1987, с. 132; 1992, с. 74–80).

Мои выводы принял и развил В.Ю. Зуев, который безоговорочно принял разделение Прохоровского могильника на две части, из которых северную (курганы №№ 3 и 4) он датировал второй половиной V – рубежом V–IV в. до н.э. и соотнес с савроматской культурой Южного Приуралья, которую предложил называть филипповской по названию знаменитых Филипповских курганов в Южном Приуралье, исследованных А.Х.Пшеничнюком в 1986–1990 гг. (Пшеничнюк, 1989; 2001, с. 26–37), и южную (курганы №№ 1 и 2), которую датировал рубежом II–I в., возможно началом I в. до н.э. Также он констатировал полное отсутствие памятников прохоровской культуры III – первой половины II в. до н.э. и предложил свою периодизацию для памятников Южного Приуралья, согласно которой памятники V–IV вв. до н.э. относятся к филипповской культуре, прекратившей свое существование на рубеже IV–III вв. до н.э. Памятники прохоровской культуры В.Ю. Зуев предложил датировать последней третью II–I вв. до н.э. (Зуев, 1998-А, с. 16–19; 1999, с. 306, 307; 2000, с. 310–327). Если мои предложения по уточнению датировки Прохоровских курганов в целом были приняты, то все основанные на них датировки Прохоровских курганов и новая периодизация савроматской культуры В.Ю. Зуева были встречены буквально «в штывы» и категорически отвергнуты. Основной тезис оппонентов – прохоровская культура существовала непрерывно и никакого хиатуса в III – первой половине II в. до н.э. не было; есть 62 комплекса III в. до н.э. в Нижнем Поволжье, выделенных «вполне логичным приемом» (Скрипкин и др., 2002, с. 101–111).

Что же дали новые раскопки Прохоровских курганов? В 2003–2005 гг. здесь были доисследованы курганы №№ 1–4, частично раскопанные С.И. Руденко в 1916 г., в которых обнаружен целый ряд новых впускных захоронений, а также раскопаны курганы, которые С.И. Руденко обозначил на схеме, но не копал – курганы «Б» («городище»), «а» (оказался пустым), «б» и «в». Что касается хронологии старых и новых объектов, которую Л.Т. Яблонский в целом определил в пределах второй половины IV в., возможно, рубежа IV–III – первой половины II в. до н.э., то создается впечатление, что писалась она

исключительно как отповедь на хронологические построения В.Ю. Зуева, о чем свидетельствует адресованный непосредственно ему назидательно-поучающий вывод, дважды повторенный почти дословно на стр. 82 и 359: «Попытки ревизии традиционной для отечественной археологии концепции хронологии и периодизации сарматской культуры, прежде всего, с использованием материалов из Прохоровки, являются непродуманными, абсолютно необоснованными, авантюристическими и не выдерживающими никакой критики с точки зрения всей совокупности данных археологической науки» (Яблонский, 2010, с. 62, 359, 360). Однако, далеко не все настолько благополучно в королевстве Датском, то бишь в сарматоведении (впрочем, как и в любой другой отрасли археологии), как представлялось уважаемому автору, и даже если В.Ю. Зуев в чем-то неправ (но далеко не во всем; в его построениях содержится достаточно рационального, что стоило бы взять на вооружение; Зуев, 2004), из этого отнюдь не следует отказ от уточнений и пересмотра ряда положений в хронологии савроматской и раннесарматской культуры, которые в силу удаленности Поволжско-Уральского региона от древних центров цивилизации имеют крайне мало надежных хроноиндикаторов в виде узко датированных импортов и потому не отличаются надежностью.

По-видимому, стараясь полностью отсечь датировки Прохоровских курганов В.Ю. Зуева, как ранние для курганов №№ 3 и 4 второй половиной V – рубежом V–IV в. до н.э., так и поздние для курганов №№ 1 и 2, которые он датировал рубежом II–I вв., возможно первой половиной I в. до н.э., показать непрерывность развития прохоровской культуры и отсутствие какого-либо хиатуса в III – начале II в. до н.э., Л.Т. Яблонский определил весьма усеченные хронологические рамки Прохоровского могильника в пределах конца IV – первой половины II в. до н.э.

Дату знаменитого прохоровского погребения № 1 в кургане № 1 с железной кирасой, парадным мечом, золотой гривной и другими вещами ограничивает датировка вновь открытого впускного погребения № 4, где найдены длинный меч со слабо изогнутым серповидным наконечником и массивным прямым перекрестьем, а также два кинжала с прямым и слабо изогнутым наконечниками, прямыми перекрестьями и 60 бронзовых наконечников стрел (Там же, с. 58, 59, 72–75, рис. 41, 9–11; 45; Кат. 12, 72а, 73–78). По совокупности

признаков датировка впускного погребения № 4 не выходит за пределы IV в. до н.э., которым ограничивается и датировка первичного погребения № 1. Остальные пять впускных погребений имеют не столь ярко выраженный в хронологическом плане инвентарь, имеющих очень широкие рамки в пределах IV–I вв. до н.э. Предлагаемая датировка кургана № 1 «временем от конца IV и не позже III в. до н.э.» представляется слишком узкой и неполной, поскольку здесь присутствует полноценный IV в. до н.э., с одной стороны, и отсутствуют ограничения позднего рубежа в датировках вплоть до II–I вв. до н.э. – с другой. В отношении датировки погребения № 1 есть еще один момент, который нельзя упускать из виду. В.И. Мордвинцева обратила внимание на наличие трех пар отверстий по краям серебряных фиал, служивших некогда для крепления петель, что указывает на их использование в качестве фаларов, украшавших конскую сбрую. Она датирует погребение № 1 в Прохоровском кургане № 1 III в. до н.э. и таким образом прохоровские фалары оказываются наиболее ранними из всех известных, в то время как все прочие находки фаларов датируются не раньше конца III–II в. до н.э. (Федуловский клад, ст. Успенская, хут. Верхний, Васюрина гора), а основной массив находок – начиная со II–I вв. до н.э. и позднее (Мордвинцева, 1996, с. 155–159; Mordivinceva, 2001, с. 63, 68, 71–73). После открытия Л.Т. Яблонским в кургане № 1 впускного погребения № 4, надежно датируемого IV в. до н.э., дата центрального погребения № 1 с фаларами прочно занимает место в IV в. до н.э., и разрыв в датировках прохоровских фаларов с ранней группой находок фаларов в сарматском мире составляет уже не менее столетия. Все это наводит на мысль: а не существовало ли более позднее погребение II–I вв. до н.э., впущенное в центр кургана, и разрушившее первичное в кургане № 1 погребение IV в. до н.э., в результате чего возник столь смешанный набор вещей, аналогии которым охватывают период от IV в. до н.э. до I в. н.э.? Возможно, В.Ю. Зуев не так уж и неправ? Во всяком случае, такую вероятность исключать нельзя.

В кургане № 2 из погребения № 1 из грабительских раскопок 1911 г. происходит кинжал с прямыми наконечником и перекрестьем, с двугавровой в сечении рукоятью хорошего IV в. до н.э. и наконечник копья, также наиболее характерный для VI–IV вв. до н.э. Эту дату подтверждает датировка бесспорным IV

в. до н.э. впускного погребения № 2, в котором найден длинный меч с прямым навершием и массивным прямым перекрестьем, также с двутавровой рукоятью, в сопровождении колчанного набора из 40 бронзовых втульчатых и одного железного черешкового. Еще четыре впускных погребения этого кургана содержали инвентарь, широко датируемый в пределах IV–I вв. до н.э. Исследователь предлагает датировку кургана № 2 в пределах IV–III вв., при этом подчеркивая, что «никаких признаков II–I вв. до н.э. погребения кургана 2 не имеют» (Яблонский, 2010, с. 42–46, 75–77, Кат.83–84, 87–130), с чем согласиться нельзя.

В кургане № 3, погребение № 1 которого по находкам из старых раскопок и характерному для савроматского времени погребальному сооружению я предлагал датировать V–IV вв. до н.э., открыты два впускных погребения, из которых погребение № 2 прекрасно подтверждает предложенную дату, поскольку в нем найден меч с массивным прямым брусковидным навершием и бабочковидным перекрестьем V–IV вв. до н.э. в сопровождении массивных бронзовых наконечников стрел, характерных для того же времени. В предлагаемой дате кургана № 3 рубеж V/IV – III в. до н.э. (Там же, с. 31–34, 77, 78, Кат. 185–294) неоправданно расширен поздний диапазон. Видимо, правильнее было бы ограничиться IV в. до н.э.

Из кургана № 4 из погребения № 1 из раскопок грабителей и С.И. Руденко происходят обломок каменного блюда с орнаментированным бортиком и большое зеркало с плоской рукоятью, которые я с учетом характерной большой ямы со ступенькой, с одной стороны, датировал V–IV вв. до н.э. Здесь также открыты два впускных погребения, инвентарь которых может датироваться в пределах IV–I вв. до н.э. Поэтому вряд ли стоит ограничиваться в датировке всего кургана IV–III вв. до н.э. (Там же, с. 25–28, 79, Кат. 279–346).

Не менее интересные данные были получены в новых курганах Прохоровского могильника, впервые исследованных в 2003–2005 гг.

Курган «Б» («городище») содержал три погребения, из которых наибольший интерес представляет п. 3, в котором найдена серебряная чаша македонского производства, наконечник копья, золотые обкладки чаши и ряд других золотых украшений, колчаный набор из 111 железных черешковых и одного бронзового втульчатого, большое бронзовое зеркало, железный зооморфный колчаный крюк,

плакированный золотом, ониксовый алабастр, бусы и др. Предлагаемая дата погребения – третья четверть IV – первая половина III в. до н.э. Подавляющее большинство вещей находит аналогии в пределах IV в. до н.э. Ограничивающими дату здесь являются серебряная чаша, датировка которой определяется в пределах второй половины или даже третьей четверти IV в. до н.э., золотые накладки на чашу и наконечник копья. Последние, как уже отмечалось, практически отсутствуют в комплексах позднее IV в. до н.э. Для датировки чаш с золотыми накладками в Южном Приуралье определяющим является набор чаш из Филипповского кургана № 1 (Королюкова, 2001, Кат. 29–90), датирующийся не позднее конца V – первой половины IV в. до н.э. По материалам Скифии позднейшие чаши с золотыми обкладками содержатся в надежно датированных комплексах не позднее третьей четверти IV в. до н.э. (Бидзиля, Полин, 2012, с. 409–413), в том числе и из погребения в Новочеркасске в Нижнем Подонье, связываемом с «номадами восточного облика» (Глебов, 2012, с. 28; Дедюлькин, 2015, с. 72). Соответственно, и накладки из прохоровского кургана «Б» датируются не позднее этого времени, каковым и ограничивается дата п. 3 кургана «Б», максимум, с запасом, второй половиной IV в. до н.э. Погребение № 1 синхронизируется с п. 3 по находке мелких золотых украшений, п. 2 – безынвентарное (Яблонский, 2010, с. 15–24, 68–72, Кат. 347–1283).

Курган «б» содержал от 11 до 14 погребений², расположенных плотным скоплением, возможно, в три ряда. Автор считает все погребения тесно сопряженными во времени и датирует курган концом III – первой половиной II в. до н.э. (Там же, с. 46–54, 80, 81, Кат. 1296–1552), что, однако, не подтверждается топографией погребений и их датировками. В кургане «б» неоднократно зафиксированы случаи прорезания предыдущих погребений последующими, вплоть до полного разрушения (п. 11), что свидетельствует о значительной разновременности погребений, что также подтверждается их датировками. По-видимому, относительно ранним в кургане является п. 2-б, в котором найден архаичного облика орнаментированный круглодонный сосуд с примесью талька в тесте IV в., а возможно и V–IV вв. до н.э. Кинжал из п. 4

² На с. 47 в кургане «б» указано 13 захоронений, на с. 80 таковых значится 11, в отчетной части на с. 47–54 приводится описание 14 погребений (Яблонский, 2010).

со слабо изогнутым серповидным навершием и дуговидным перекрестьем явно относится к IV в. до н.э., чему не противоречит колчаный набор из 4 бронзовых втульчатых и 12 железных черешковых наконечников стрел. В п. 2-в и 9 найдены кинжалы с кольцевыми навершиями, наиболее ранние образцы которых достоверно датируются не ранее II–I вв. Встречаемость мечей с кольцевым навершием с мечами с серповидными навершиями в сопровождении исключительно железных черешковых наконечников стрел твердо указывает на невозможность их датировки ранее II в. до н.э., а в основной своей массе с I в. до н.э. и позднее (Скрипкин, 2005, с. 171–185). Остальные погребения кургана «б» имеют невыразительный инвентарь, широко датирующийся в пределах IV–I вв. до н.э., а возможно и шире. Таким образом, в целом диапазон кургана «б» охватывает IV–I вв. до н.э.

Курган «в» содержал три погребения, которые по справедливому определению Л.Т. Яблонского точной датировке не поддаются. И потому попытку синхронизировать на основании единства примеси толченой кости в тесте керамики из п. 3 кургана «в» с п. 7 из кургана «б» и датировать оба III–II вв. до н.э. трудно признать успешной, поскольку оба погребения относятся к числу не датированных (Яблонский, 2010, с. 28–31, 81, Кат. 1553–1555).

Подводя итог рассмотрению хронологии старых и новых курганов Прохоровского могильника, следует отметить, что в действительности его диапазон весьма широкий и охватывает период от IV в., или даже конца V в., вплоть до I в. до н.э. – практически весь период, ныне отводимый для раннесарматской прохоровской культуры (Клепиков и др., 2008, с. 50–61). Такое длительное использование курганов вновь проходящими группами кочевников на протяжении длительного периода, по наблюдениям К.Ф. Смирнова (1975, с. 156, 157) характерно для Южного Приуралья. Однако наполнение интервала III – начала II в. до н.э. остается слабым звеном и для Прохоровского могильника, впрочем как и везде. Скорее всего, здесь и имеются погребения этого отрезка времени, однако показать их наличие проблематично. Конечно, можно «зажать» даты и «логическим приемом» назначить нужные датировки для погребений, однако такие аргументы, как «скорее всего III в. до н.э.», «может быть III в. до н.э.», «не может датироваться позднее III в. до н.э.», «не исключает и III в. до н.э.» вряд ли могут

убедить в желаемом. Безуспешность метода «зажатых датировок» прекрасно показал С.В. Демиденко, согласно анализу которого не менее 60% погребений Нижнего Поволжья, «зажатых» в III в. до н.э., в действительности датируется не ранее II–I вв. до н.э. (Демиденко, 2007, с. 51–53). Так что пресловутая «проблема III в. до н.э.» по-прежнему остается злободневной и для Прохоровского могильника, и для Поволжско-Приуральского региона в целом.

Значительные сдвиги в направлении решения проблемы III в. до н.э. произошли в Северо-Западном Причерноморье. Здесь в 1995–2012 гг. тираспольские археологи Е.В. Яровой, И.А. Четвериков и В.С. Синика возобновили и успешно завершили раскопки большого курганного могильника у с. Глиное в Нижнем Поднестровье, отчасти известного по слабо документированным старым раскопкам И.Я. и Л.П. Стемпковских 1896–1910 гг. (Мелюкова, 1962). В наше время здесь было раскопано 115 скифских курганов III–II, возможно, вплоть до начала I в. до н.э., т.е. именно того хронологического диапазона, который нигде более в Скифии не представлен. Эти курганы продолжают скифские традиции V–IV вв. до н.э. как в погребальном обряде, основных чертах материальной культуры, имеющей здесь региональный гетский налет в виде керамики, так и в образе жизни. В основных чертах это те же скифы-скотоводы, полукочевники, имевшие довольно крупные поселения на Днестре (Чобручи – Фидельский, 2012, с. 16–20; Иващенко, 2012). Они резко отличаются от сугубо оседлого земледельческого позднескифского населения Нижнего Днепра и предгорного Крыма. Таким образом, на территории Нижнего Поднестровья, возможно и вплоть до низовий Дуная, в III–II вв. до н.э. сохранялся очаг прежней скифской культуры (Тельнов и др., 2012, с. 5–15).

Многочисленные находки характерных конских бронзовых пластинчатых налобников с крючком в курганах Глиного позволили Ю.П. Зайцеву окончательно решить вопрос о принадлежности т.н. «странных комплексов» с такими налобниками, надежно связать их с поздними скифами III–I вв. до н.э., уточнить хронологию, как он их предпочитает называть, вотивно-ритуальных комплексов, определить их ареал и на основе античного керамического импорта выделить группы III–II и II–I вв. до н.э. На основе картографирования этих находок Ю.П. Зайцев пришел к выводу о существовании в III–II вв. до н.э. в степном

Северном Причерноморье огромных незаселенных территорий, номинально принадлежавших поздним скифам и контролируемых ими, окаймленных с юга синхронными погребальными комплексами. По его мысли, такие ритуально-вогивные комплексы на незаселенной территории степи и лесостепи в Волго-Днестровском междуречье фиксируют основные пути сообщения (Зайцев, 2012-А; 2012-Б).

В результате многолетних полевых работ Н.А. Гаврилюк и В.П. Былковой за эти годы была уточнена хронология скифских нижнеднепровских поселений и городищ, находящихся в пределах нынешних Запорожской и Херсонской областей. Скифские поселения времени существования Причерноморской Скифии полностью укладываются в хронологические рамки IV в. до н.э. и только Каменское городище доживает до начала III в. до н.э. Таким образом, по мнению авторов, нет ни малейших оснований говорить о концентрации скифского населения вокруг Нижнеднепровской долины в III–II вв. до н.э. Здесь найдены фрагменты биконических амфор Фасоса, гераклейских, в том числе клейменных³, боспорских, типа Солоха-I и Солоха-II, херсонесских, в том числе ручка с клеймом астинома Ксенона, хиосских прямогорлых амфор с колпачковой ножкой, ранних синопских амфор, в том числе клеймо астинома Филократа, косских с двуствольными ручками, Менды мелитопольского типа (Гаврилюк и др., 1992-А, с. 29-31, 34, 35; Гаврилюк и др., 1992-Б, с. 7, 14, 22, 23, 26; Гаврилюк, 2013, с. 132, 161–184).

Все перечисленные в публикации Н.А. Гаврилюк, В.П. Былковой и С.Н. Кравченко типы амфор, найденные на скифских поселениях Нижнего Днепра времени существования Причерноморской Скифии, твердо датируются в пределах IV в. до н.э. На сегодняшний день фасосские биконические амфоры датируются в пределах конца V – третьей четверти IV в. до н.э., гераклейские – конец V – начало III в. до н.э., Солоха I и II (Пепарет) – первая – третья четверть IV в. до н.э., хиосские с колпачковой ножкой – конец V – третья четверть IV в. до н.э. Синопские амфоры ранних типов датируются, начиная со второй четверти IV в. до н.э. Астином Филократ в составе синопских астиномов не числит-

ся. По-видимому, клеймо прочтено неверно⁴ (Монахов, 2003, с. 20–22, 28, 29, 56–76, 96–99, 101–110, 123–144, 146–151; Бидзиля, Полин, 2012, с. 571). Боспорские амфоры сейчас определяются как продукция Икоса конца первой – третьей четверти IV в. до н.э. (Монахов, Федосеев, 2013; Монахов, Кузнецова, 2009). Херсонесский астином Ксенон входит в группу I-Г, по В.И. Кацу, который датирует ее первым десятилетием III в. до н.э. (Кац, 2007, с. 442). Учитывая находку херсонесских клейм I и II групп, по В.И. Кацу, в тризне Александропольского кургана в контексте третьей четверти IV в. до н.э., начало херсонесского клеймения должно быть сдвинуто к 350 г. (Полин, 2010, с. 278, 279, 286–288), и, таким образом, датировка Ксанфа находится в пределах второй половины IV в. до н.э. Косские и псевдокосские амфоры I и II типов, по С.Ю. Монахову, как с одно, так и с двуствольными ручками выпускались на протяжении всего IV и самого начала III в. до н.э. (Монахов, 2014, с. 202–211).

По данным Н.А. Онайко на нижнеднепровских городищах и поселениях примерно в 20 пунктах была найдена античная керамика III–II вв. до н.э. (Онайко, 1970, №№ 29–34, 38, 40–45, 71–74, 77–88, 95–105, 132–134, 215–232, 239, 240, 266, 267, 359–375). Как выяснила В.П. Былкова, специально изучавшая эти материалы, все эти датировки нуждаются в корректировке на современном уровне. В результате проясняется, что из всех амфорных материалов, предложенных Н.А. Онайко к датировке III–II вв. до н.э., остается лишь одно синопское клеймо (Там же, № 87) группы V-E начала II в. до н.э., по Н. Коновичи, или VII-A 215–190 гг. до н.э., по В.И. Кацу (2007, с. 441, № 166), найденное в районе с. Ушкалка вне связи с конкретным памятником. В дополнение к нему следует упомянуть единичные находки фрагментов родосских амфор с клеймами эпонима Аиносидамуса-II в позднескифском святилище в группе Рядовых могил возле Кривого Рога и ручки с клеймом у пос. Кушугум возле Запорожья конца III – начала II в. до н.э. (Полин, 2014, с. 635). Клеймо эпонима Архилаида первой четверти II в. до н.э. происходит из Капуловки из сборов А.В. Бодянского, еще одно эргастериарха Агатобула второй половины II в. до н.э. поднято из Днепра в районе Каменского городища (Плешивенко, 1991, с. 165, табл. 3, II; 2000,

³К сожалению, комплекс амфорных клейм поселения Лысая гора остался неопубликованным. Обещанная специальная публикация так и не появилась.

⁴ Ссылка на определение Н.Ф. Федосеева неверна – он не определял это клеймо (личное сообщение) и такой астином в его классификации отсутствует.

с. 229, табл. 6, 12). По данным В.П. Былковой, скифские поселения предшествующего периода завершают существование не позднее конца первой трети III в. до н.э., и долгое время эта территория оставалась пустой. На всех без исключения нижнеднепровских скифских и позднескифских поселениях и городищах отсутствует слой или какие-либо объекты III в. до н.э. Лишь во второй половине II в. до н.э. возникают позднескифские Знаменское городище, в конце II–I в. до н.э. – Гавриловское городище, на рубеже II–I в. до н.э. – Анновское и Великолепетихское городища, в I в. до н.э. – поселения в Золотой Балке и во Львово, а также городища Любимовское, Каирское, Краснаямаяцкое и Николаевка (Козацкое), в I в. до н.э. – I в. н.э. – Горностаевское, Консуловское, Саблуковское, Понятовское и Старошведское городища (Былкова, 2007, с. 17, 18, 109–114; 2007-А, с. 91–97).

На этом фоне очень странно звучит утверждение Н.А. Гаврилюк (которая сама отметила отсутствие на 106 скифских поселениях IV в. до н.э. каких бы то ни было материалов позднее этой даты, и лишь Каменское городище доживает до первой четверти III в. до н.э.), что «в III в. до н.э. продолжалась жизнь на правобережных поселениях», в подтверждение чему приводятся материалы «эллинистического времени», в числе которых амфоры типа Пепарет-I, хиосские колпачковые, фасосские биконические, гераклеийские и синопские, найденные на Золотобалковском поселении и синопские, типа Солоха I и II, и фасосские биконические, обнаруженные на Анновском городище. Т.е. именно те самые типы амфор, перечисленные выше, которые служили ей для датировки скифских поселений IV в. до н.э. предшествующего периода (Гаврилюк, 2013, с. 535–538; Гаврилюк и др., 1992-А, с. 29–31, 34, 35; Гаврилюк и др., 1992-Б, с. 7, 14, 22, 23, 26). Единственный тип амфор, ошибочно названный в числе ранних эллинистических, – поздние косские, найденные на Анновском городище и Золотобалковском поселении, М.И. Вязьмитина датировала II–I вв. до н.э. (Вязьмитина, 1962, с. 154, рис. 71, 11, 12), И.Б. Зеест – I в. до н.э. – I в. н.э. (Зеест, 1960, с. 109, табл. XXVII, 61, 62). По С.Ю. Монахову, это V тип косских амфор III–I вв. до н.э. (Монахов, 2014, с. 214, рис. 12). Эти амфоры не имеют никакого отношения к эллинистическим и относятся к периоду существования позднескифского городища. Также неверно использование херсонесского клейма из Анновского городища для подтвержде-

ния его датировки III–II вв. до н.э. Частично оттиснутое херсонесское желобчатое клеймо отнесено к астиному Аполлу и со ссылкой на В.В. Борисову датировано концом III–II в. до н.э. (Гаврилюк, Абикулова, 1991-А, с. 22, рис. 19, 1). Но здесь двойная ошибка. В каталоге В.В. Борисовой для Аполла обозначена дата – конец IV – начало III в. до н.э. (Борисова, 1974, с. 112, № 11, Табл. II, 2). Кроме того что перепутана дата, неверно восстановлено и само клеймо. Благодаря альбому В.И. Каца с прорисовками штампов херсонесских клейм, не трудно восстановить клеймо астинома Батилла (Кац, 1994, табл. XIII, 1-32, 1–1-32, 4)⁵, входящего в группу I-Б последней четверти IV в. до н.э., по В.И. Кацу (2007, с. 442), дату которого, как уже отмечалось выше в связи с находкой в Александропольской тризне, необходимо удревять до третьей четверти IV в. до н.э. Таким образом, херсонесское клеймо Анновского городища не имеет отношения к его позднескифскому периоду, а принадлежит к скифскому поселению предшествующего периода IV в. до н.э.

Еще более удивительно слышать огульное утверждение без какой бы то ни было аргументации, что все предложенные В.П. Былковой датировки для позднескифских городищ Нижнего Днепра неверны. Должен категорически возразить, что прекрасное знание античного материала отнюдь не понаслышке и высочайшая квалификация В.П. Былковой, подтвержденная многолетними успешными полевыми работами и многочисленными печатными трудами, не вызывают ни малейших сомнений. Предложенные ею датировки позднескифских городищ обоснованы полным анализом имеющихся материалов⁶, которыми она великолепно владеет в отличие от предлагаемых Н.А. Гаврилюк, основанных на механическом суммировании достоверных и ошибочных датировок находок. Также вдруг Н.А. Гаврилюк утверждает, что В.П. Былкова построила свои рассуждения на отсутствии находок родосских клейм (что абсолютно не соответствует действительности, поскольку в работах В.П. Былковой проанализированы абсолютно все датированные находки), которые по уверению

⁵ Очень приятно увидеть, что мое восстановление клейма, сделанное в процессе написания статьи, полностью подтверждает восстановление В.П. Былковой, сделанное намного раньше (Былкова, 2007-А, с. 95).

⁶ Не только из фондов ИА НАНУ и Херсонского краеведческого музея, но и из коллекции МГУ.

Н.А. Гаврилюк имеются на Капуловском городище и поселении Лысая Гора со ссылкой на фонды Запорожского музея (Гаврилюк, 2013, с. 537, сноска 123), но о которых в собственных публикациях она не упоминает (Гаврилюк, 2013, с. 154, 158–184; Гаврилюк и др., 1992-А, с. 29). Упомянутые выше родосские клейма из Капуловки первой четверти II в. до н.э. и второй половины II в. до н.э. из Днепра у Каменского городища только подкрепляют датировки и выводы В.П. Былковой (Плещивенко, 1991, с. 165, табл. 3, II; 2000, с. 229, табл. 6, 12).

Таким образом, на Нижнем Днепре фиксируется длительный перерыв между скифскими поселениями времени Великой Скифии, завершившимися существование не позднее первой четверти III в. до н.э., и позднескифскими периода Малой Скифии, начавшими создаваться во второй половине II в. до н.э.

За прошедшие годы грандиозные работы по исследованию городищ позднескифского периода были также проделаны в Крыму. К сожалению, ранний период скифской оседлости остается слабо изученным. Немногочисленные скифские поселения, очень мало изученные, предварительно датируются IV–III вв. до н.э. Следы таких поселений зафиксированы на всех основных позднескифских городищах Крыма (Булганакское, Кермен-Кыр и др.). Несколько поселений открыто на степной равнине в Центральном Крыму (Гаврилов, Шонов, 2004, с. 89; Колтухов, 2004, с. 218, 219). Намного больше информации по Юго-Восточному и Восточному Крыму. В окрестностях Феодосии вплоть до восточного Присивашья зафиксировано более 60 скифских поселений конца V – первой трети III в. до н.э. (Гаврилов, 2004, с. 137; 2004, с. 339, 340). В Восточном Крыму известно около 300 варварских поселений конца V – первой трети III в. до н.э. (Кругликова, 1975, с. 256–277; Масленников, 1998, с. 72–88; Колтухов, 2004, с. 220–230). Фиксируется хронологический разрыв между ними, завершившимися существование в начале III в. до н.э., и позднескифскими городищами, возникающими в конце III – начале II или на рубеже III–II в. до н.э. в предгорном Крыму (Пуздровский, 1999, с. 212; 2007, с. 78, 87), где к этому времени относится более десятка позднескифских городищ – Кермен-Кыр, Пионерское, Брусилowo (Беки-Эли), Мазанское, Борут-Хане, Меловое, Бурундукское, Сары-Кая, Бор-Кая-1, Куру-Баш, Развилка, Булганакское. Всего в предгорном Крыму известно более 50

городищ и убежищ, датирующихся от III–II вв. до н.э. – III в. н.э. При многих из них зафиксированы синхронные неукрепленные поселения (Колтухов, 1999, с. 18–21; Смекалова и др., 2015, с. 8, 99, 105–108, 131–134, 146, 151, 154, 162–164, 177–180, 201–205, 218, 223, 228, 234). Окончательно решен вопрос о времени возникновения Неаполя Скифского. Была установлена связь слоя IV в. до н.э. с поселением кизил-кобинской культуры или скифским предшествующего периода (Храпунов, 2004, с. 82, 83) и его непричастность к городу-крепости Неаполю. Основание самого Неаполя по многочисленным датированным находкам относится ко второй четверти – середине II в. до н.э. (Зайцев, 2003, с. 21, 41, 42).

Отдельного внимания заслуживает подлинное открытие на уже известном позднескифском городище-крепости Ак-Кая – Вишенное возле Белогорска в 2005–2014 гг., когда было установлено его возникновение в конце IV в. до н.э. и непрерывное существование вплоть до III в. н.э. Возле него открыты и подкурганые захоронения III–II вв. до н.э. Предполагается столичная роль этого городища на начальном этапе позднескифской истории в III – начале II в. до н.э. не только для Крыма, но и для всего позднескифского Северного Причерноморья, которая в середине II в. до н.э. перешла к Неаполю (Зайцев, 2013, с. 500, 501; 2015, с. 53; 2015-А, с. 168–170; Зайцев, Колтухов, 2016, с. 124, 125). Это единственный памятник в Крыму, перекрывающий лагуну III в. до н.э.

Сарматы в Крыму. Как и раньше традиционно предполагается участие сарматов в крымских событиях в III в. до н.э. – в разгроме поселений хоры Херсонеса и европейской части Боспора дальними набегами из-за Дона и наличие сарматов в северном Крыму в первой половине II в. до н.э., откуда они, как предполагается, будучи союзниками Херсонеса время от времени контролировали поздних скифов карательными набегами с территорий вне Крыма (Пуздровский, 1994, с. 397; 1999, с. 209, 210; 2001, с. 87, 90; Колтухов, 1999, с. 81; Храпунов, 2004, с. 125). Основаниями для этого являются херсонесский декрет «О несении Диониса» конца первой четверти III в. до н.э. (восстановление в котором этнонима «сарматы» более чем проблематично), легенда об Амаге (имеющая совершенно фантастический контекст при отсутствии каких-либо хронологических привязок), а также мирный договор Понтийского царя Фарнака I 180/179 гг. до н.э., в котором в числе

многих упоминаются Херсонес Таврический и сарматский царь Гатал. Между последними никакой связи из контекста договора не следует. Деятельность Гатала более доказательно связывается с территорией Прикубанья и Северного Кавказа в целом (Полин, 1992, с. 90–94; Марченко, 1996, с. 124–127).

Первым достоверным историческим свидетельством пребывания сарматов в Крыму является декрет в честь Диофанта 110/109 гг. до н.э., упоминающий ревксиналов–роксоланов в числе союзников позднескифского царя Палака. По-видимому, неудачный первый заход сарматов в Крым, завершившийся сокрушительным разгромом, на какое-то время отбил у сарматов тягу к крымскому региону, и они здесь не задержались. Сарматских погребений этого времени в Крыму нет (Симоненко, 1993, с. 116; Храпунов, 2004, с. 126, 141). Тем не менее, А.Е. Пуздровский считает возможным говорить о первом этапе проникновения сарматов Крым в конце II–I в. до н.э. (Пуздровский, 1999, с. 216). Но по археологическим данным проникновение сарматов в степной Крым фиксируется только с I в. до н.э. – II в. н.э. (около десятка погребений с небогатым инвентарем) и в предгорный, где также отмечено несколько сарматских погребений того же времени (Симоненко, 1993, с. 67–75; Храпунов, 1995, с. 71; 2004, с. 126–129; Пуздровский, 2007, с. 40–43). В их числе и знаменитое богатейшее погребение сарматки в Ногайчинском кургане I в. до н.э. (Зайцев и др., 2013, с. 51). Начиная с середины I в. н.э. и позднее отмечается значительная, возрастающая во времени доля сарматских погребений в подбоях в составе ряда позднескифских могильников предгорного Крыма (Храпунов, 2004, с. 129–142; Пуздровский, 2007, с. 87, 165).

В Северном Причерноморье для скифоведения последняя четверть XX века ознаменовалась колоссальным спадом полевых исследований. Раскопки скифских курганов стали эпизодическими. Только Г.Н. Тощев, уже почти 30 лет ведущий раскопки гигантского могильника Мамай-гора в Запорожской области, с успехом их продолжает. За эти годы на Мамай-горе исследовано около 300 скифских курганов, содержащих более 400 погребений V–IV вв. до н.э. (Андрух, Тощев, 2012, с. 485–490). Тем не менее, и в эти годы было исследовано несколько курганов высшей скифской знати, таких как Соболева Могила и курган № 13 близ города Орджоникидзе в Днепропетровской обл., Братолюбовский курган в Херсонской обл., проведены неболь-

шие повторные раскопки Чмыревой Могила в Запорожской обл. (Болтрик, Фіалко, 2012), раскопки кургана Беш-оба-IV в Крыму (Колтухов, 2006; 2007), доисследование Рыжановского кургана и раскопки Скифской Могила в Черкасской обл. (Скорый, 1999; Скорый, Хохоровски, 2009), раскопки кургана Блинец-2 в городе Днепропетровске (Ромашко, Скорый, 2009). Особое значение имело доисследование одного из ведущих скифских памятников – царского Александропольского кургана в Днепропетровской обл. (Полин, Дараган, 2010; Polin, Daragan, 2011). За эти годы также были опубликованы результаты раскопок ряда ключевых курганов высшей скифской знати – Бабина, Водяна и Соболева могилы (Мозолевский, Полин, 2005), Гайманова Могила (Бидзиля, Полин, 2012), Рыжановский и Братолюбовский курганы (Скорый, 2005; Скорый та ін., 1999; Chochorowski та інш., 1996; 1997-А; 1997-В; 1999-А; 1999-В; 2001; Кубышев и др., 2009), Золотобалковские курганы (Полин, 2014).

Важнейшее значение для дальнейшего успешного развития скифоведения имело появление в эти годы фундаментальных разработок В.И. Каца, Н.Ф. Федосеева, А. Аврама, Н. Коновичи, И. Гарлана, Г. Финкельштейна по амфорным клеймам Херсонеса Таврического, Гераклеи Понтийской, Фасоса, Синопы, Родоса и других центров (Кац, 1994; 2007; Avram, 1996; Conovici, 1998; Fedoseev, 1999; Garlan, 1999; 2004; 2004-2005; Finkielsztejn, 2001). Особо следует отметить монографии и ряд важнейших статей С.Ю. Монахова по типологии амфор, локализации центров их производства и хронологии отдельных типов амфор и серий, публикацию множества амфорных комплексов из скифских курганов Северного Причерноморья, благодаря которым были точно датированы многие скифские курганы, в том числе и царские (Монахов, 1989; 1999; 2003; 2013; 2014⁷; Монахов, Кузнецова, 2009; Монахов, Федосеев, 2013). На этой основе удалось точно датировать ряд новых курганов (Бабина, Водяна и Соболева могилы, Золотобалковские курганы). В результате была получена новая серия надежно датированных курганов скифской элиты.

В полной публикации Гаймановой Могила все погребения этого кургана датированы первой половиной IV в. до н.э. в отличие от существовавшей прежде в скифоведении

⁷ Здесь указаны лишь некоторые статьи С.Ю. Монахова. В действительности их намного больше.

нии датировки (третья четверть IV в. до н.э.). По материалам Гаймановой Могила была выделена хронологическая группа скифских царских курганов второй четверти – середины IV в. до н.э. Это позволило выстроить хронологическую цепочку, демонстрирующую непрерывную скифскую традицию сооружения царских курганов от времен Геродотовой Скифии середины – третьей четверти V в. до третьей четверти IV в. до н.э. включительно. Также были выделены хронологические группы скифских курганов второй четверти – второй половины V в., первой половины IV в., третьей четверти IV в., конца третьей четверти IV – начала III в. до н.э. После открытия тираспольскими археологами могильника в Глино впервые стало возможным выделение хронологической группы скифских курганов III–II вв. до н.э. (Бидзиля, Полин, 2012, с. 508–584).

На основе уточнения датировок отдельных типов амфор, а также выделения хронологических горизонтов клейменных и неклеяемых амфор, разработанных С.Ю. Монаховым, по материалам окологурганной тризны, добытых при доисследовании в 2004–2009 гг., была определена точная датировка одного из ведущих памятников Скифии – царского Александропольского кургана в пределах 340–330 гг. до н.э. Находки в колоссальной александропольской тризне кургана клейм I и II групп Херсонеса Таврического, гераклеиских клейм позднефабрикантской группы, фасосских клейм позднего типа в контексте третьей четверти IV в. до н.э. позволяют отнести начало херсонесского клеймения к середине IV в. до н.э., а также датировать упомянутые клейма других центров в пределах 340–330 гг. до н.э. (Полин, 2010; Полин, Дараган, 2010; Polin, Daragan, 2011). Накопление материалов по тризнам скифских курганов позволяет удревнить датировку заключительных групп фасосских клейм раннего типа и ограничить ее пределами второй четверти IV в. до н.э., а также датировать начало фасосского позднего клеймения около 350 г. до н.э. и выделить наиболее раннюю группу поздних фасосских магистратов третьей четверти IV в. до н.э. (Полин, 2015).

На той же основе с учетом вероятных поправок в датировках клейм Гераклеи, Фасоса и Херсонеса, с использованием разработок Е.Я. Рогова и И.В. Тункиной по взаимовстречаемости различных типов чернолаковой керамики с группами клейменных и неклеяемых амфор по материалам грече-

ских некрополей Северного Причерноморья (Рогов, Тункина, 1998), также был проанализирован керамический импорт из всех курганов степной Скифии от Дона до Дуная, как курганов скифской знати, так и рядовых. В результате выделились группы V в. до н.э., преимущественно середины – второй половины столетия (168 курганов и погребений), первой половины IV в. (374), середины – третьей четверти IV в. (286), второй половины IV – начала III в. (57) и 19 погребений и так называемых «странных комплексов» III–II вв. до н.э. Эти данные демонстрируют пик курганного строительства в степной Скифии Северного Причерноморья в первой половине – третьей четверти IV в. до н.э., прекращение строительства царских курганов в третьей четверти IV в. до н.э. и резкий спад и полное прекращение строительства всех курганов в конце третьей – последней четверти IV в. до н.э. Вероятно, затухание жизни в Нижнеднепровской Скифии происходило синхронно с оставлением Елизаветовского городища и завершилось еще перед концом IV в. до н.э. При полном запустении большей части степной и лесостепной Скифии в Нижнем Поднестровье существовала крупная группа скифских курганов III–II вв. до н.э., не имеющая аналогов на всей остальной территории (Полин, 2014).

Что же мы получаем на основе новых фактов по проблеме сарматского завоевания Северного Причерноморья «в сухом остатке»?

Запустение всей лесостепной и большей части степной Скифии в конце IV в. до н.э., местонахождение сарматских памятников, которые могли бы датироваться III – началом II в. до н.э., не ближе Заволжья, появление сарматов на Нижнем Дону не ранее II в. до н.э., всё больше расширяют во времени и пространстве дистанцию между прекращением существования Причерноморской Скифии в конце IV в. и появлением сарматов в Северном Причерноморье во II–I вв. до н.э. Все это красноречиво свидетельствуют об отсутствии причинно-временной обусловленности этих событий. В связи с основательной удаленностью от Причерноморского театра боевых действий от локализации сарматов III–II вв. до н.э. не ближе Заволжья, отходят в область фантастики идеи сарматских набегов для разгрома хоры Херсонеса и Европейского Боспора, а также участие сарматов в событиях вокруг Ольвии в III в. до н.э., запечатленных в декрете в честь Протогена.

Обозначились очаги скифского обитания в III в. до н.э. в Нижнем Поднестровье (Глиное) и в Крыму (городище Ак-Кая/Вишенное), предшествовавшие позднескифским городищам Нижнего Поднепровья и Предгорного Крыма. Благополучное существование крупной скифской группы к западу от Ольвии в Нижнем Поднестровье на протяжении III–II вв. до н.э. (Глиное) свидетельствует о том, что предполагавшаяся угроза нашествия скиров и галатов, упоминаемая в декрете в честь Протогена, не состоялась, и движение этих народов обошло стороной этот регион.

По имеющимся данным продвижение сарматов на восток было медленно-поступательным и достаточно осторожным и отнюдь не носило характера сокрушительного нашествия или молниеносного завоевания. В Танаисе оборонительные стены сооружены не ранее рубежа III–II или даже в начале II в. до н.э. Появившись в Нижнем Подонье во II в. до н.э., сарматы только во второй половине столетия, а скорее во II–I вв. до н.э. продвигаются в Днепро-Донское междуречье, занимая свободные степные территории, не затрагивая территориальные сферы интересов позднескифских городищ Нижнего Поднепровья. Укрепления наиболее раннего нижнеднепровского левобережного Знаменского городища строятся не ранее рубежа II–I в., а возможно, и в начале I в. до н.э. (Полин, 1992, с. 108), что фиксирует время возникновения сарматской угрозы на Нижнем Днепре. Лишь единичные сарматские погребения II–I вв. до н.э. обнаружены на правом берегу Днепра и несколько далее к западу. Только после прекращения существования скифской группы на Нижнем Днестре и Малой Скифии в Добрудже в конце II – начале I в. до н.э., сарматы к рубежу эр вышли на Нижний Дунай и двинулись дальше. Появившись в конце II в. до н.э. в Крыму в роли союзника позднескифского царя Палака, сарматы, после сокрушительного поражения, отошли обратно в причерноморские степи и проникли в Крым только в I в. до н.э. – I в. н.э. и лишь в I–II вв. н.э. фиксируется их массовое присутствие в Предгорном Крыму.

Что касается причин упадка Причерноморской Скифии и позднего появления здесь сарматов, то я и сейчас склонен видеть главнейшую из них в неблагоприятных природно-климатических факторах⁸. Конечно, с этих

позиций трудно объяснить, почему плодороднейшие территории Нижнего Поднепровья и Подонья в III – начале II в. до н.э. оставались пустыми, и скифы в это время предпочли Нижнее Поднестровье, значительно уступающее этим районам в природном отношении. Вероятно, дело не только в климатическом факторе. По-видимому, помимо климатических, происходили и какие-то другие катастрофические экологические изменения глобального характера, в том числе и такие, которые на сегодняшний день даже и представить трудно (пандемии, эпизоотии, возможно, что-то еще), тем не менее, вызвавшие исчезновение подавляющего большинства скифского населения не только в степи, но и в лесостепи Северного Причерноморья. И такие катастрофические изменения охватили весь степной и лесостепной пояс Евразии, где в III в. до н.э. во всех без исключения регионах произошел слом развития практически всех культур скифоидного облика предшествующего периода, их исчезновение и появление новых культур в последующий период или прослеживается существование старых культур в качественно новом виде. За пределами Северного Причерноморья в остальной части Евразийского степного и лесостепного пояса это прослеживается гораздо менее очевидно и отчетливо, поскольку чем дальше к востоку, тем все более расплывчатой становится хронология материальной культуры, и все эти процессы при существующих весьма широких и приблизительных датировках выглядят растянутыми во времени, плавными и постепенными на уровне нормального эволюционного развития. Тем не менее, такой резкий перелом в III в. до н.э. имел место на всей этой столь огромной территории. Он мог быть вызван только глобальными экологическими изменениями самого разнопланового характера.

на отдельных небольших участках массового скопления скота, например, в местах подхода к водопоям. Но для огромных пастбищных территорий Северного Причерноморья с его многообразием рельефа, позволяющим рационально использовать разнохарактерные пастбища в различные времена года, такая ситуация просто не реальна. Ни один скотовод-кочевник никогда не допустит перевыпаса на отдельном пастбище. Из этнографии хорошо известно, как оберегались пастбища от преждевременной потравы, особенно в местах будущих зимовок. Да и воспроизводство скота никогда не бывало чрезмерным, будучи регулируемым эпизоотиями (с 12-летним постоянством), а также неблагоприятными зимовками, что тоже случалось нередко.

---

⁸ Н.А. Гаврилюк предпочитает видеть причину упадка Скифии во всеобщей пастбищной дигрессии (Гаврилюк, 2013, с. 528). Думается, что скотосбой пастбищ в результате перевыпаса возможен лишь

ЛИТЕРАТУРА

- Алексеева Е.М.* Античные бусы Северного Причерноморья / САИ. Вып. Г1-12. М.: Наука, 1975. 94 с. + 19 табл.
- Алексеева Е.М.* Античные бусы Северного Причерноморья / САИ. Вып. Г1-12. М.: Наука, 1978. 104 с. + 34 табл.
- Алексеева Е.М.* Античные бусы Северного Причерноморья / САИ. Вып. Г1-12. М.: Наука, 1982. 87 с. + 20 табл.
- Андрух С.И., Тоцев Г.Н.* Могильник скифского времени Мамай-гора // W. Blajer (ed.). Peregrinationes archaeologiae in Asia et Europa. Joanni Chochorowski dedicatae. Krakow: Profil-Arheo, 2012. С. 485–490.
- Берлизов Н.Е.* Сарматы в Предкавказье. Некоторые аспекты исследования // Актуальные проблемы археологии Северного Кавказа: XIX «Крупновские чтения». М.; ИА РАН, 1996. – Переиздание: Материалы по изучению историко-культурного наследия Северного Кавказа. Вып. VIII: Крупновские чтения 1971–2006 гг. / Гл. ред. А.Б. Белинский. М.: Памятники исторической мысли, 2008. С. 549–550.
- Берлизов Н.Е.* «Темный век» сарматской истории (к проблеме выделения комплексов III в. до н.э. в прохоровской культуре // Материалы и исследования по археологии Кубани. Вып. 3 / Отв. ред. И.И. Марченко. Краснодар: Кубан. гос. ун-т, 2003. С. 93–105.
- Берлизов Н.Е.* Ритмы Сарматии. Савромато-сарматские племена Южной России в VII в. до н.э. – V в. н.э. Краснодар: КГУКИ, Парабеллум, 2011. 318 с.
- Бидзиля В.И., Полин С.В.* Скифский царский курган Гайманова Могила. Киев.: Скиф, 2012. 814 с.
- Болтрик Ю.В., Фіалко О.Є.* Останні дослідження кургану Чмирева Могила // Колекції наукових фондів ІА НАНУ / Археологія і давня історія України: Джерела та дослідження. Вип. 8 / Отв. ред. П.П. Толочко. Київ: ІА НАНУ, 2012. С. 50–57.
- Борисова В.В.* Керамические клейма Херсонеса и классификация херсонесских амфор // Нумизматика и эпиграфика. 1974. Т. XI. С. 99–124.
- Былкова В.П.* Нижнее Поднепровье в античную эпоху (по материалам раскопок поселений). Херсон: ХГУ, 2007. 243 с.
- Былкова В.П.* Позднескифские городища Нижнего Днестра: проблемы хронологии и атрибуции // *Tyragetia. Serie nouă. Vol. I [XVI], nr. 1. Chişinău, 2007. С. 89–114.*
- Вязьмитина М.И.* Золота Балка. Поселення сарматського часу на Нижньому Дніпрі. Київ: АН УРСР, 1962. 238 с.
- Гаврилов А.В.* Округа античной Феодосии. Симферополь: Азбука, 2004. 367 с.
- Гаврилов А.В., Шонов И.В.* Скифские селища V–III вв. до н.э. в степной зоне Центрального Крыма // Древности Боспора. Т. 7 / Отв. ред. А.А. Масленников. М.: ИА РАН, 2004. С. 89–99.
- Гаврилов А.В.* Амфорные клейма округи античной Феодосии (материалы к хронологии археологических памятников). Донецк: Донбасс, 2004. 347 с.
- Гаврилюк Н.А.* Экономика степной Скифии VI–III вв. до н.э. / 2-е изд. Киев : Вид. Олег Філюк, 2013. 704 с.
- Гаврилюк Н.А., Абикулова М.И.* Позднескифские памятники Нижнего Поднепровья (новые материалы): Препринт. Вып. I. Киев: ИА НАНУ, 1991. 48 с.
- Гаврилюк Н.А., Былкова В.П., Кравченко С.Н.* Скифские поселения IV в. до н.э. в степном Поднепровье: Препринт. Вып. II. Киев: ИА НАНУ, 1992-А. 47 с.
- Гаврилюк Н.А., Былкова В.П., Кравченко С.Н.* Скифские поселения IV в. до н.э. в степном Поднепровье: Препринт. Вып. II. Киев: ИА НАНУ, 1992-В. 51 с.
- Глебов В.П.* Еще раз о проблеме III в. до н.э. // Боспорский феномен: Погребальные памятники и святилища. Ч. 2: ММНК / Отв. ред. В.Ю. Зуев. СПб.: ИИМК; ГЭ; ГМИР, 2002. С. 186–197.
- Глебов В.П.* О «сарматской» концепции кризиса первой половины III в. до н.э. в Северном Причерноморье // Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья / Материалы IV Боспорских чтений / Ред.-сост. В.Н. Зинько. Керчь: Деметра, 2003. С. 80–88.
- Глебов В.П.* Хронология раннесарматской и среднесарматской культур Нижнего Поволжья // Сарматские культуры Евразии: проблемы региональной хронологии: Доклады к 5-й международной конференции «Проблемы сарматской археологии и истории» / Отв. ред. Л.Т. Яблонский, С.И. Лукьяшко. Краснодар: Фирма НСС, 2004. С. 127–133.
- Глебов В.П.* Специфика становления раннесарматской культуры на Нижнем Дону // Региональные особенности раннесарматской культуры. Материалы семинара Центра изучения истории и культуры сарматов. Вып. II / Отв. ред. И.В. Сергацков. Волгоград: ВолГУ, 2007. С. 59–82.
- Глебов В.П.* Раннесарматская культура Нижнего Подонья II–I вв. до н.э.: Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. М.: ИА РАН, 2009. 27 с.

Глебов В.П. Кочевники Нижнего Подонья IV–II вв. до н.э. Некоторые проблемы изучения // Древности Северного Причерноморья III–II вв. до н.э. / Отв. ред. Н.П. Тельнов. Тирасполь: Ремонт вычислительной техники, 2012. С. 28–33.

Граков Б.Н. Курганы в окрестностях поселка Нежинского Оренбургского уезда по раскопкам 1927 г. // ТСА РАНИОН. 1928. Т. IV. С. 145–155.

Гуцалов С.Ю. Древние кочевники Южного Приуралья VII–I вв. до н.э. Уральск: Полиграфсервис, 2004. 134 с.

Дедюлькин А.В. Материалы из погребения, исследованного в 1973 г. в г. Новочеркасске, из Фондов Музея истории донского казачества // TANAIN DI ROTAMON DIABANTI. За рекой Танаисом: Сборник памяти В. Е. Максименко (1939–2014) / Отв. ред. В.А. Кореняко, А.Л. Бойко. Ростов-на-Дону: ЮФУ, 2015. С. 71–72.

Демиденко С.В. Об одном из аспектов "проблемы III в. до н.э." в сарматской археологии // РА. 2007. № 2. С. 48–54.

Демиденко С.В. Раннесарматское погребение из могильника Верхний Еруслан – никаких «оксюморонов» // Нижневолжский археологический вестник. Вып. 11 / Отв. ред. А.С. Скрипкин. Волгоград: ВолГУ, 2010. С. 365–373.

Железчиков Б.Ф., Клетиков В.М., Сергацков И.В. Древности Лебедевки (VI–II вв. до н.э.). М.: Вост. лит., 2006. 159 с.

Зайцев Ю.П. Неаполь скифский (II в. до н.э. – III в. н.э.). Симферополь: Универсум, 2003. 209 с.

Зайцев Ю.П. Античная керамика в ритуальных (вотивных)кладах Северного Причерноморья // Древности Северного Причерноморья III–II вв. до н.э. / Отв. ред. Н.П. Тельнов. Тирасполь: Ремонт вычислительной техники, 2012-А. С. 55–66.

Зайцев Ю.П. Северное Причерноморье в III–II вв. до н.э.: ритуальные клады и археологические культуры (постановка проблемы) // Древности Северного Причерноморья III–II вв. до н.э. / Отв. ред. Н.П. Тельнов. Тирасполь: Ремонт вычислительной техники, 2012-В. С. 67–72.

Зайцев Ю.П. Неаполь Скифский – Ак-Кая – Пантикапей: варвары Крыма и Боспор в III–I вв. до н.э. // Боспорский феномен. Греки и варвары на евразийском перекрестке: ММНК / Ред. М.Ю. Вахтина и др. СПб.: Нестор-история, 2013. – С. 499–506.

Зайцев Ю.П. Фортификация крепости Ак-Кая / Вишенное в Центральном Крыму // Война и военное дело в скифо-сарматском мире: ММНК, посвященной памяти А.И. Мелюковой (Кагальник, 26–29 апреля 2014 г.) / Отв. ред. С.И. Лукьяшко. Ростов-на-Дону: ЮНЦ РАН, 2015. С. 53–54.

Зайцев Ю.П. Оборонительные сооружения крепости Ак-Кая в Центральном Крыму (эпоха эллинизма и римский период) // С Митридата дует ветер. Боспор и Причерноморье в античную эпоху: К 70-летию В.П. Толстикова / Ред. Д.В. Журавлев, О.А. Габелко. М.: Русский фонд содействия образованию и науке, 2015-А. С. 164–173.

Зайцев Ю.П., Колтухов С.Г. Курган с коллективными погребениями III–I вв. до н.э. из некрополя Ак-Кая/Беш-Оба в Крыму // Stratum plus. 2016. № 3. С. 99–127.

Зайцев Ю.П., Мордвинцева В.И., Хеллстрём К. Радиоуглеродное датирование женского элитного погребения Ногайчинского кургана (Крым) в культурно историческом контексте // Крым в сарматскую эпоху (II в. до н.э. – IV в. н.э.). Т. I / Науч. ред. И.Н. Храпунов. Симферополь; Бахчисарай: Доля, 2013. I. С. 44–59.

Зеест И.Б. Керамическая тара Боспора / МИА. № 83. М.: АН СССР, 1960. 178 с.

Зуев Ю.В. Периодизация археологических памятников центральной части Евразийского пояса степей I тыс. до н.э. (по материалам Южного Приуралья) // Скифы. Хазары. Славяне. Древняя Русь: ММНК, посвященная 100-летию со дня рождения профессора М.И. Артамонова (9–12 декабря 1998 г.): ТД / Ред. Г.В. Вилинбахов и др. СПб.: Гос. Эрмитаж, 1998. С. 45–50.

Зуев В.Ю. Прохоровские курганы в Южном Приуралье и проблема хронологии раннесарматской культуры: Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. СПб.: СПбГУ, 1998-А. 32 с.

Зуев В.Ю. О путях решения "проблемы III в. до н.э." в периодизации археологических памятников сарматской эпохи // Stratum plus. 1999. № 3. С. 305–324.

Зуев В.Ю. Проблемы хронологии "раннесарматской" культуры и курганы у деревни Прохоровка // ΣΥΣΣΤΙΑ: Памяти Юрия Викторовича Андреева / Отв. ред. В.Ю. Зуев. СПб.: Алетейя, 2000. С. 304–330.

Зуев В.Ю. Основные проблемы хронологии "раннесарматской" культуры // Раннесарматская культура: формирование, развитие, хронология. Материалы IV международной конференции «Проблемы сарматской археологии и истории». Вып. 1 / Отв. ред. В.Н. Мышкин. Самара: СНЦ РАН, 2000-А. С. 85–104.

Зуев В.Ю. О некоторых попытках модернизации сарматской периодизации // Сарматские культуры Евразии: проблемы региональной хронологии: Доклады к 5-й международной конференции «Проблемы сарматской археологии и истории» / Отв. ред. Л.Т. Яблонский, С.И. Лукьяшко. Краснодар: Фирма НСС, 2004. С. 205–219.

Иващенко М.В. Амфорные клейма из поселения Чобручи на левобережье Нижнего Днестра // Древности Северного Причерноморья III–II вв. до н.э. / Отв. ред. Н.П. Тельнов. Тирасполь: Ремонт вычислительной техники, 2012. С. 81–86.

Кац В.И. Керамические клейма Херсонеса Таврического. Каталог-определитель. Саратов: СГУ, 1994. 167 с.

Кац В.И. Керамические клейма Херсонеса Таврического. Каталог-определитель. Ч. III: Таблицы керамических клейм Херсонеса Таврического. Саратов: СГУ, 1994. СХ табл.

Кац В.И. Греческие керамические клейма эпохи классики и эллинизма (опыт комплексного изучения) / Боспорские исследования; Вып. XVIII. Симферополь; Керчь: Крым. отд-ие Ин-та востоковедения НАНУ, 2007. 478 с.

Клепиков В.М. Памятники III в. до н.э. в Нижнем Поволжье // Раннесарматская культура: формирование, развитие, хронология: Материалы IV международной конференции «Проблемы сарматской археологии и истории». Вып. 1 / Отв. ред. В.Н. Мышкин. Самара: СНЦ РАН, 2000. С. 116–124.

Клепиков В.М. Сарматы Нижнего Поволжья IV–III вв. до н.э. Волгоград: ВолГУ, 2002. 215 с.

Клепиков В.М. Памятники III в. до н.э. в Нижнем Поволжье // Раннесарматская культура: формирование, развитие, хронология: Материалы IV международной конференции «Проблемы сарматской археологии и истории» Вып. 1 / Отв. ред. В.Н. Мышкин. Самара: СНЦ РАН, 2000. С. 116–124.

Клепиков В.М., Скрипкин А.С. Хронология раннесарматских памятников Нижнего Поволжья // Нижневолжский археологический вестник. Вып. 5 / Отв. ред. А.С. Скрипкин. Волгоград: ВолГУ, 2002. С. 47–81.

Клепиков В.М., Скрипкин А.С., Сергацков И.В. Прохоровская культура в Нижнем Поволжье: становление и трансформация // Ранние кочевники Волго-Уральского региона: ММНК «Ранние кочевники Южного Приуралья в свете новейших археологических открытий» (21–25 апреля 2008 г.) / Отв. ред. Л.Т. Яблонский. Оренбург: ОГПУ, 2008. С. 50–63.

Коваленко А.Н. Население Нижнего Дона второй половины IV – первой трети III вв. до н.э. // Международные отношения в бассейне Черного моря в древности и средние века: Сборник статей по материалам XI МНК / Отв. ред. В.П. Копылов. Ростов-на-Дону: РГПУ, 2006. С. 51–57.

Колтухов С.Г. Укрепления Крымской Скифии. Симферополь: Сонат, 1999. 221 с.

Колтухов С.Г. Варварские поселения классического и раннеэллинистического времени в Восточном и Юго-восточном Крыму // Древности Боспора. Т. 7 / Отв. ред. А.А. Масленников. М.: ИА РАН, 2004. С. 217–237.

Колтухов С.Г. Курган IV Аккайского (Белогорского) курганного могильника // Древности Боспора Т. 9 / Отв. ред. А.А. Масленников. М.: ИА РАН, 2006. С. 228–259.

Колтухов С.Г. Основное погребение кургана Беш-Оба IV/2 // Древняя Таврика. Посвящается 80-летию Т.Н. Высотской / Ю.П. Зайцев, В.И. Мордвинцева. Симферополь: Универсум, 2007. С. 193–206.

Копылов В.П. Нижний Дон и Боспор Киммерийский в третьей четверти VII – первой трети III вв. до н.э. // Боспорский феномен. Погребальные памятники и святилища. Ч. 1 / Отв. ред. В.Ю. Зуев. СПб.: ИИМК; ГЭ; ГМИР, 2002. С. 229–235.

Королькова Е.Ф. Филипповские курганы и звериный стиль // Золотые олени Евразии: Каталог выставки / Отв. ред. М.Б. Пиотровский, Р.Г. Кузеев. СПб.: Славия, 2001. С. 64–163.

Кругликова И.Т. Сельское хозяйство Боспора. М.: Наука, 1975. 299 с.

Кубышев А.И., Бессонова С.С., Ковалев Н.В. Братолюбовский курган. Киев: Корвинпресс, 2009. 191 с.

Лукьяшко С.И. К реконструкции событий конца IV – начала III в. до н.э. на Нижнем Дону // Скифы и сарматы в VII–III вв. до н.э.: Палеоэкология, антропология и археология / Отв. ред. В.И. Гуляев, В.С. Ольховский. М.: Старый сад, 2000. С. 167–180.

Марченко И.И. Сираки Кубани: (По материалам курганных погребений Нижней Кубани). Краснодар: Кубан. гос. ун-т, 1996. 336 с.

Марченко К.К., Житников В.Г., Копылов В.П. Елизаветовское городище на Дону. М.: Paleograph, 2000. 281 с. + 71 табл.

Масленников А.А. Эллинская хора на краю Ойкумены. Сельская территория европейского Боспора в античную эпоху. М.: Индрик, 1998. 299 с.

Мозолевский Б.Н., Полин С.В. Курганы скифского Герроса IV в. до н.э. (Водяна, Бабина и Соболева могилы). Киев: Стилос, 2005. 599 с.

Монахов С.Ю. Амфоры Херсонеса Таврического IV–II вв. до н.э. Саратов: СГУ, 1989. 157 с.

Монахов С.Ю. Греческие амфоры в Причерноморье. Комплексы керамической тары VII–II вв. до н.э. Саратов: СГУ, 1999. 678 с.

Монахов С.Ю. Греческие амфоры в Причерноморье: Типология амфор ведущих центров-экспортеров товаров в керамической таре: Каталог-определитель. М.; Саратов: Киммериды, СГУ, 2003. 351 с.

Монахов С.Ю. Амфоры Аканфа. Новые находки и заметки о специфике амфорного производства в полисе // Шестая Международная Кубанская археологическая конференция: МК / Отв. ред. И.И. Марченко. Краснодар: Экоинвест, 2013. С. 294–300.

Монахов С.Ю. Косские и псевдокосские амфоры и клейма // Stratum plus. 2014. № 3. С. 195–222.

Монахов С.Ю., Кузнецова Е.В. Об одной серии амфор неустановленного дорийского центра IV века до н.э. (бывшие «боспорские» или «раннехерсонесские») // Международные отношения в бассейне Черного моря в скифо-античное и хазарское время / Отв. ред. В.П. Копылов. Ростов-на-Дону: Медиа-Полис, 2009. С. 148–161.

Монахов С.Ю., Федосеев Н.Ф. Заметки по локализации керамической тары. III: Амфоры Икоса // Античный мир и археология. Вып. 16 / Отв. ред. С.Ю. Монахов. Саратов: СГУ, 2013. С. 255–266.

Мордвинцева В.И. О вторичном использовании ахеменидских блюдов из Прохоровского кургана // РА. 1996. № 2. С. 155–159.

Мошкова М.Г. Памятники прохоровской культуры / САИ. Вып. Д1-10. М.: Наука, 1963. 56 с.

Мошкова М.Г. Происхождение раннесарматской прохоровской культуры. М.: Наука, 1974. 51 с.

Онайко Н.А. Античный импорт в Приднепровье и Побужье в IV–II вв. до н.э. / САИ. Вып. Д1–27. М.: Наука, 1970. 128 с. + 45 табл.

Островецких А.С. Фаянсовые и стеклянные бусы в Скифии и Сарматии // ВДИ. 1985. № 3. С. 92–108.

Плешивенко А.Г. Торговые связи Каменского городища (по амфорным клеймам) // Древности Северного Причерноморья и Крыма. Т. III / Отв. ред. Г.Н. Тошев. Запорожье: Запорож. гос. ун-т, 1991. С. 162–172.

Плешивенко А.Г. Капуловский комплекс скифского времени (по материалам коллекции А.В. Бодянского) // Старожитності степового Причорномор'я і Криму. Т. VIII / Уклад. Г.М. Тошев. Запоріжжя: ЗНУ, 2000. С. 222–236.

Полін С.В. Про сарматське завоювання Північного Причорномор'я // Археологія. 1984. № 45. С. 24–34.

Полін С.В. Появление сарматов в Северном Причерноморье по археологическим данным // Хозяйство и культура доклассовых и раннеклассовых обществ: ТД III конф. молодых ученых ИА АН СССР / Отв. ред. В.С. Ольховский. М.: ИА АН СССР, 1986. С. 116–118.

Полін С.В. Хронология раннесарматской прохоровской культуры // Актуальные проблемы историко-археологических исследований: ТД VI Респ. конф. молодых ученых (Киев, октябрь 1987 г.) / Отв. ред. Е.В. Максимов. Киев: Наукова думка, 1987. С. 132–133.

Полін С.В. От Скифии к Сарматии. Киев: Тип. ФНПУ, 1992. 201 с.

Полін С.В. Амфоры Александропольского кургана (по материалам раскопок 2004–2009 гг.) // Античный мир и археология. Вып. XIV / Отв. ред. С.Ю. Монахов. Саратов: СГУ, 2010. С. 262–307.

Полін С.В. Скифский Золотобалковский курганный могильник V–IV вв. до н.э. на Херсонщине / Курганы Украины; Т. 3. Киев: Вид. Олег Філюк, 2014. 774 с.

Полін С.В. О хронологии фасосского клеймения IV в. до н.э. // Археология без границ: Коллекции, проблемы, исследования, гипотезы / ТГЭ; Т. LXXVII / Отв. ред. Е.Ф. Королькова. СПб.: Гос. Эрмитаж, 2015. С. 334–358.

Полін С.В., Дараган М.Н. Работы на Александропольском кургане в 2008 г. // СУМВОЛА. Античный мир Северного Причерноморья. Новейшие находки и открытия. Вып. 1 / Ред. Р.Ф. Мунчаев и др. М.-Киев: Триумф принт, 2010. С. 191–209.

Полін С.В., Симоненко А.В. «Раннесарматские» погребения Северного Причерноморья // Исследования по археологии Поднепровья / Отв. ред. И.Ф. Ковалева. Днепропетровск: ДГУ, 1990. С. 76–96.

Полін С.В., Симоненко А.В. Скифия и сарматы // Сарматы и Скифия: Сб. науч. докл. III международной конференции «Проблемы сарматской археологии и истории» / Донские древности; Вып. 5 / Отв. ред. В.Е. Максименко. Азов: АКМ, 1997. С. 87–98.

Полін С.В., Симоненко А.В. Сарматы и гибель Великой Скифии // J. Chochorowski (ed.). Cimmerians. Scythians. Sarmatians. In memory of professor T. Sulimirski. Krakow: Ksiegarnia akademicka, 2004. С. 367–374.

Пуздровский А.Е. О сарматах в Крыму // Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии. Т. IV / Отв. ред. А.И. Айбабин. Симферополь: Таврия, 1994. С. 397–405.

Пуздровский А.Е. Этническая история Крымской Скифии (II в. до н.э. – III в. н.э.) // Херсонесский сборник. Т. X / Отв. ред. М.Е. Золотарев. Севастополь: Крым. филиал ИА НАНУ, 1999. С. 208–225.

Пуздровский А.Е. Политическая история Крымской Скифии во II в. до н.э. – III в. н.э. // ВДИ. 2001. № 3. С. 86–118.

Пуздровский А.Е. Крымская Скифия II в. до н.э. – III в. н.э. Погребальные памятники. Симферополь: Бизнес-Информ, 2007. 479 с.

Пшеничнюк А.Х. Раскопки «царского» кургана на Южном Урале: Препринт доклада. Уфа: БНЦ, 1989. 17 с. + 14 рис.

Пшеничнюк А.Х. Филипповские курганы в центре скифского мира // Золотые олени Евразии: Каталог выставки / Отв. ред. М.Б. Пиотровский, Р.Г. Кузеев. СПб.: Славия, 2001. С. 26–37.

Рогов Е.Я., Тункина И.В. Расписная и чернолаковая керамика из некрополя Панское I // АВ. 1998. № 5. С. 159–175.

- Ромашко В.А., Скорый С.А.* Близнец-2: скифский аристократический курган в Днепропетровском правобережном Надпорожье. Днепропетровск: Пороги, 2009. 251 с.
- Ростовцев М.И.* Курганные находки Оренбургской области эпохи раннего и позднего эллинизма / МАР. № 37. Пг.: Девятая государственная типография, 1918. IV+102 с.
- Ростовцев М.И.* Скифия и Боспор. Л.: Тип. 1-й Ленинг. труд. артели печатников, 1925. 621 с.
- Сергацков И.В.* Финал раннесарматской культуры: хронология и проблемы этнической истории сарматов на рубеже эр // Раннесарматская культура: формирование, развитие, хронология: Материалы IV Международной конференции «Проблемы сарматской археологии и истории». Вып. 1 / Отв. ред. В.Н. Мышкин. Самара: СНЦ РАН, 2000. С. 150–157.
- Симоненко А.В.* Особенности раннесарматской культуры Северного Причерноморья // Раннесарматская культура: формирование, развитие, хронология: Материалы IV международной конференции «Проблемы сарматской археологии и истории». Вып. 1 / Отв. ред. В.Н. Мышкин. Самара: СНЦ РАН, 2000. С. 158–166.
- Симоненко А.В.* Сарматы Таврии. Киев: Наукова думка, Киев. академия Евробизнеса, 1993. 142 с.
- Симоненко А.В.* «Проблема III в. до н.э.» – вариант решения? // Нижневолжский археологический вестник. Вып. 6 / Отв. ред. А.С. Скрипкин. Волгоград: ВолГУ, 2003. С. 297–303.
- Скорый С.А.* Дата большого Рыжановского кургана (по археологическим данным) // Проблемы скифо-сарматской археологии Северного Причерноморья (К 100-летию Б.Н.Гракова) / Отв. ред. П.П. Толочко. Запорожье: Запорож. гос. ун-т, 1999. С. 240–241.
- Скорый С.А., Хохоровські Я., Григор'єв В.П., Ридзевські Я.* Центральна могила Великого Рижанівського кургану // Археологія. 1999. № 1. С. 94–105.
- Скорый С.А., Хохоровски Я.* Аристократический курган Скифская Могила вблизи Мотронинского городища // Stratum plus. 2005–2009. № 3. С. 234–276.
- Скрипкин А.С.* Проблемы хронологии сарматской культуры и ее исторический аспект // Задачи археологии в свете решений XXVII съезда КПСС: ТД Всесоюз. конф. (Суздаль, 1987 г.) / Отв. ред. В.П. Шилов. М.: Наука, 1987. С. 231.
- Скрипкин А.С.* Азиатская Сарматия. Проблемы хронологии и ее исторический аспект. Саратов: СГУ, 1990. 299 с.
- Скрипкин А.С.* К проблеме выделения сарматских памятников Азиатской Сарматии II–I вв. до н.э. // Раннесарматская культура: формирование, развитие, хронология: Материалы IV Международной конференции «Проблемы сарматской археологии и истории». Вып. 1 / Отв. ред. В.Н. Мышкин. Самара: СНЦ РАН, 2000. С. 137–149.
- Скрипкин А.С.* Сарматские мечи с кольцевым навершием // II Городцовские чтения: МНК, посвященной 100-летию деятельности В.А. Городцова в ГИМ (апрель 2003 г.) / ТГИМ. Вып. 145 / Отв. ред. И.В. Белоцерковская. М.: ГИМ, 2005. С. 171–185.
- Скрипкин А.С., Клепиков В.М.* К хронологии раннесарматской культуры Нижнего Поволжья // Сарматские культуры Евразии: проблемы региональной хронологии: Доклады к 5-й Международной конференции «Проблемы сарматской археологии и истории» / Отв. ред. Л.Т. Яблонский, С.И. Лукьяшко. Краснодар: Фирма НСС, 2004. С. 95–106.
- Скрипкин А.С., Клепиков В.М., Мошкова М.Г.* Об одной попытке модернизации сарматской периодизации // РА. 2002. № 1. С. 101–112.
- Смекалова Т.Н., Колтухов С.Г., Зайцев Ю.П.* Археологические атласы Северного Причерноморья. Атлас позднескифских городищ предгорного Крыма. СПб.: Алетей, 2015. 244 с.
- Смирнов К.Ф.* Курганы у сел Иловатка и Политотдельское // Памятники Нижнего Поволжья. Т. I / МИА. № 60 / Отв. ред. Е.И. Крупнов. М.: АН СССР, 1959. С. 206–322.
- Смирнов К.Ф.* Сарматы на Илеке. М.: Наука, 1975. 175 с.
- Тельнов Н.П., Четвериков И.А., Синика В.С.* Скифский могильник III–II вв. до н.э. у с. Глиное на левобережье Нижнего Днестра (предварительные итоги исследования) // Древности Северного Причерноморья III–II вв. до н.э. / Отв. ред. Н.П. Тельнов. Тирасполь: Ремонт вычислительной техники, 2012. С. 5–15.
- Фидельский С.А.* Поселение Чобручи на Нижнем Днестре в III–II вв. до н.э. // Древности Северного Причерноморья III–II вв. до н.э. / Отв. ред. Н.П. Тельнов. Тирасполь: Ремонт вычислительной техники, 2012. С. 16–20.
- Храпунов И.Н.* Очерки этнической истории Крыма в раннем железном веке: Тавры. Скифы. Сарматы. Симферополь: Таврия, 1995. 83 с.
- Храпунов И.Н.* Этническая история Крыма в раннем железном веке / Боспорские исследования; Вып. VI. Симферополь; Керчь: Керч. город. тип., 2004. 238 с.
- Шевченко Н.Ф.* Степи Прикубанья и сираки в IV–III вв. до н.э. // Историко-археологический альманах. Вып. 10 / Отв. ред. Р.М. Мунчаев. Армавир; Краснодар; М.: ИА РАН, АрмКМ, 2011. С. 44–57.

- Avram A.* Les timbres amphoriques. 1. Thasos / Histria. T. VIII. Bucarest – Paris, 1996. 176 p. + 44 Pl.
- Chochorowski J., Grigor'ev V., Skoryj S.* Badania wykopaliskowe Wielkiego Kurhanu Ryzhanowskiego w Ryzhanowce na Ukrainie // MSROA. 1996. T. XVII. Pp. 239–261.
- Chochorowski J., Skoryj S.* The “collateral” (female) Burial at the Great Ryzhanowka Barrow // J. Bodzek (ed.). Studies in Ancient Art and Civilization. T. 8. Krakow: Universitas Jagellonica, 1997-A. Pp. 71–92.
- Chochorowski J., Skoryj S., Grigor'ev V., Rydzewski J.* Centralny pochywek Wielkiego Kurhanu Ryzhanowskiego // MSROA. 1997-B. T. XVIII. Pp. 77–92.
- Chochorowski J., Skoryj S.* Kobięce nakrycie głowy z centralnego grobowca Wielkiego Kurhanu Ryzhanowskiego // MSROA. 1999. T. XX. Pp. 301–311.
- Chochorowski J., Skoryj S., Grigor'ev V., Rydzewski J.* Badania wykopaliskowe Wielkiego Kurhanu Ryzhanowskiego – etap koncowy (sezon 1998) // MSROA. 1999. T. XX. Pp. 279–291.
- Chochorowski J., Skoryj S.* Polsko-ukrainskie badania wykopaliskowe wielkiego kurhanu Ryzhanowskiego w Ryzhanowce na Ukrainie // J. Lech, J. Partyka. (eds.). Z archeologii Ukrainy i Jury Ojcowskiej. Ojcow: Ojcowski Park Narodowy, 2001. Pp. 463–486.
- Conovici N.* Les timbres amphoriques. 2. Sinope (tuiles timbres comprises) / Histria; T. VIII, 2. Bucarest – Paris, 1998. 206 p. + 47 pl.
- Fedoseev N.F.* Classification des timbres astynomiques de Sinope // Y. Garlan (ed.). Production et commerce des amphores anciennes en Mer Noire. Aix-en-Provence: Publ. de l'Universite de Provence, 1999. Pp. 27–40.
- Finkielsztejn G.* Cronologie detailee et revisee des eponymes amphoriques rhodiens, de 270 a 180 av. J.-C. Premier bilan / BAR International Series 990. Oxford: Archaeopress Publishers, 2001. 234 p. + 26 pl.
- Garlan Y.* Les timbres amphoriques de Thasos. I. Timbres Protothasiens et Thasiens ansiens / Etudes Thasiennes; T. XVIII (Corpus International des Timbres Amphoriques. Fasc.6). Paris: De Boccard edition-diffusion, 1999. 335 p. + 12 pl.
- Garlan Y.* Les timbres ceramiques Sinopeens sur amphores et sur tuiles trouves a Sinope. Presentation et catalogue. Paris: De Boccard edition-diffusion, 2004. 310 p. + 52 pl.
- Garlan Y.* En visitant et revisitant les ateliers amphoriques de Thasos // Bulletin de correspondance hellenique. Vol. 128-129. Athines, 2004–2005. Pp. 269–329.
- Mordvinceva V.* Sarmatische Phaleren / Archdologie in Eurasien. Bd. 11. Rahden/Westf.: Verlag Leidorf GmbH, 2001. 98 S. + 57 Taf.
- Polin S., Daragan M.* Das Prunkgrab Alexandropol-kurgan. Verbericht über die Untersuchungen in den Jahren 2004–2009 // Eurasia Antiqua. 2011. Bd. 17. S. 189–214.
- Rau P.* Die Gräber der frühen Eisenzeit im unteren Wolgagebiet. Studien zur Chronologie der skythischen Pfeilspitze. Pokrowsk: Zentralmuseum der ASRR der Wolgadeutschen, 1929. 112 S.

Информация об авторе:

Полин Сергей Васильевич, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, Институт археологии НАНУ (г. Киев, Украина 04210, пр-т Героев Сталинграда 12), polin-arheo@ukr.net

SARMATIAN CONQUEST OF THE NORTHERN BLACK SEA REGION (CURRENT STATE OF THE ISSUE)

S.V. POLIN

The paper addresses the issues of the decline of Great Scythia and the Sarmatian conquest of the Northern Black Sea region. On the basis of archaeological information the authors made a conclusion on the absence of a correlation between these events, for they are separated by a time period of over a hundred years. This idea, expressed a quarter of a century ago, has been supported by new arguments over the recent years.

Keywords: Scythians, Great Scythia, Sarmatians, Prokhorovo culture, mound, burial, amphora, amphora marks, settlement, fortifications.

About the author

Polin Sergey V., Ph.D. (History), senior research scientist, Institute of Archaeology, National Academy of Sciences of Ukraine (Kiev, Ukraine 04210, pr-t Geroev Stalingrada 12); polin-arheo@ukr.net